

INSPIRIA

КЭТРИН
ШЕПЕРД

ХРАНИТЕЛЬ

ОН **ЛЮБИТ** ТЕБЯ.
НО ЕГО ЛЮБОВЬ = **ТВОЯ СМЕРТЬ...**



INSPIRIA

Кэтрин Шеперд
Хранитель
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. Германия»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69244345
ISBN 978-5-04-187272-4

Аннотация

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ГЕРМАНИИ.
ПРОДАНО БОЛЕЕ 4 000 000 КНИГ АВТОРА.**

Он любит тебя.

Но его любовь = твоя смерть...

Он хорошо знает, что такое боль. И всегда был равнодушен к женщинам, страдающим от рук бессердечных мужчин. Он хочет дать одной из них настоящую жизнь, одарить ее своей любовью. Хочет найти ту единственную, которая будет с ним по-настоящему счастлива. Но для этого она должна принять его полностью и подчиниться ему. А если этого не произойдет... что ж, ошибки случаются. Он будет искать дальше. А прошлое похоронит...

Летней ночью рядом с мусорными баками у больницы находят труп женщины. Следователь Лаура Керн выясняет, что погибшая недавно лечилась в этой больнице. Камера видеонаблюдения

зафиксировала ее идущей рядом с неизвестным мужчиной. Затем исчезает еще одна пациентка. И снова на записи все тот же незнакомец. А еще выясняется, что обе женщины в прошлом подвергались насилию со стороны своих партнеров...

Это роман о темных чувствах серийного убийцы, который на самом деле просто ищет любви...

«Всего за два года Кэтрин Шеперд заняла первое место в списке самоиздающихся авторов Германии». – *Westdeutsche Zeitung*

«Кэтрин Шеперд стала одним из самых любимых немецких авторов триллеров». – *Bild*

Из интервью Кэтрин Шеперд:

«Лаура Керн – персонаж, появившийся у меня в голове задолго до того, как я написала первую книгу в этой серии. Она – очень интересная и противоречивая личность. У Лауры ужасный жизненный опыт: когда ей было одиннадцать, ее похитили, и она до сих пор борется со своими кошмарами. Похищение оставило на ее душе и теле видимые шрамы. Тем не менее, она очень сильная женщина, даже если со стороны это не особо замечаешь».

Содержание

1	7
2	11
3	15
4	21
5	32
6	36
7	44
8	48
9	55
10	59
11	71
12	75
13	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Кэтрин Шеперд

Хранитель

Catherine Shepherd

DER BEHÜTER

© 2020 Kafel Verlag, Inh. Catherine Shepherd.

All Rights Reserved

Фотография на переплете: © Tea Jagodic / Alamy / Legion Media.

© Прокуров Р. Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *



Оберегай тишину, и тишина убережет тебя.
Французская поговорка

1

Смерть разливается по моим венам. Неотвратимо прокладывает себе путь и несет с собой холод. Пробирается по сосудам, точно живое существо, исследуя каждый уголок моего тела. Я чувствую, как она устремляется в кончики пальцев и поворачивает обратно, ищет новые лазейки. В кураже любопытства стремится проникнуть в каждую жилку. У меня уже не осталось сил сопротивляться, и я отдаюсь ей в руки. Нет смысла оттягивать неизбежное. В смерти есть свои положительные стороны. По крайней мере, она избавит от боли. Холод подбирается к сонным артериям. Сердце прокачивает кровь к мозгу, туда, где помещается сознание. Я жду, пока оно угаснет, как уже под натиском смерти отступила боль. Меня все глубже затягивает в мрачный, неведомый мир. Я вслушиваюсь в его звуки. Но минуты тянутся бесконечно долго, а я по-прежнему здесь. Холод пробирается к моим глазам. Веки, словно по собственной воле, распахиваются, но тут же смыкаются: яркий свет режет глаза. Это и есть тот самый свет, о котором говорят умирающие? Ослепительное сияние в конце длинного темного туннеля? Я приоткрываю глаза и различаю сквозь веки синее небо. Я резко поднимаюсь.

Где я?

Прямо надо мной качаются на ветру верхушки деревьев.

Размеренно, из стороны в сторону. Светит солнце. Небо чистое, лишь кое-где проплывают белые клочки. На моих запястьях плотные повязки. Я не чувствую боли и уже почти не сомневаюсь, что мертва. Но вот я слышу звук, на небесах совершенно неуместный. Тихий скрип, как будто кто-то ступает по старым доскам. Я осматриваюсь и недоумеваю. Передо мной стены из стекла, над головой простирается небо, и вокруг – лес. Лишь за моей спиной – обычная стена из бетона. От бетонного же пола тянет холодом. Я чувствую, как по коже ползут мурашки. И вдруг осознаю, что из одежды на мне только рубашка. Скорее даже мешок длиной до колен, с вырезом вдоль спины, скрепленным двумя завязками. Это та самая рубашка, которая была на мне в больнице. Сразу оживают воспоминания. Снова оглядываюсь и пытаюсь понять, мертва ли я уже. Но снаружи щебечут птицы. Надо мной пролетает сорока, смотрит на меня с высоты. Значит, я не призрак, и уж тем более не ангел. Я щиплю себя за руку: ощутимо больно. Проклятье! Я все еще жива. Что происходит – и где я вообще?

Лихорадочно озираюсь, но не вижу ни дверей позади себя, ни створок в остекленном фасаде. Сверху также никаких путей наружу. Мне снова вспоминается скрип досок. Я внимательнее осматриваю пол, и на глаза мне попадает половик. Коврик серого цвета сливается с бетоном. Я сдергиваю его, и у меня подскакивает пульс. Передо мной дощатый люк с кольцом посередине. Я тяну за кольцо и поднимаю крышку.

Взору открывается проем; вниз уходят несколько ступеней.

Я ложусь на живот и заглядываю в проем. Внизу царит непроглядный мрак. Я не могу решиться. Меня сковывает страх, мой давний спутник. Сколько времени мы проводили вместе изо дня в день... Но в этот раз я не позволю себя удержать. Все равно другого выхода нет. Чего мне, в конце концов, бояться? Еще минуту назад смерть казалась мне избавлением.

Так что я делаю глубокий вдох и собираю всю волю в кулак. Опускаю ноги в проем и достаю до верхней перекладки. Сбоку приставлена лестница, и я спускаюсь вполне благополучно. Растерянно оборачиваюсь. Глаза понемногу привыкают к темноте. Я стою в каком-то коридоре, но не вижу, где он оканчивается. Делаю несколько шагов. Узкая полоса света пробивается сквозь щель. Справа расположена дверь. Я поворачиваю ручку, но дверь заперта. Ядвигаюсь дальше, к следующей двери, пытаюсь открыть ее. Безуспешно. Пробую еще с тремя дверьми, но с тем же результатом. И лишь в конце коридора мне попадается незапертая дверь. Однако петли издают такой скрип, что я невольно вздрагиваю. Кажется, на меня вот-вот что-то бросится из темноты. Но я по-прежнему одна. Стоит мертвая тишина. Лишь потрескивают несколько зажженных свечей и гулко колотится сердце. Я осторожно вхожу.

Центр комнаты занимает стол, сервированный двумя тарелками с приборами и бокалами. В графине играет блика-

ми красное вино. Пахнет едой. Я иду на запах и вижу две кастрюли на сервировочном столике. Дрожащей рукой поднимаю крышку. Картофель с розмарином. Рот мгновенно наполняется слюной. Я игнорирую урчание в животе и оглядываюсь. Есть что-то странное в этой комнате, вот только я не могу понять, что именно. Но разобраться не успеваю: вновь слышится этот странный скрип. Пол у меня под ногами дощатый; доски, вероятно, старые и прогибаются при каждом шаге. Кто-то идет по коридору. Я бросаюсь в ближайший угол и прячусь за комодом. Дверной проем заслоняет широкая тень. Я не смею дышать. Внезапно загораются лампы под потолком, и комнату заливают слепящий свет.

– Здравствуй, Ева, – произносит низкий голос.

Паника захлестывает меня, подобно цунами. И я кричу, кричу, кричу...

Днем ранее

Лаура сама не понимала, почему оказалась здесь. Жуткий кошмар вырвал ее из сна. Она приехала, чтобы убедиться: теперь это место не таит угрозы. Пережитый ужас остался в прошлом. И все же Лаура вновь ощутила холод. Именно здесь в одиннадцать лет в ней умер ребенок, маленькая Лаура. Девочка, которая считала, что монстров не существует. Считала так, потому что в этом ее заверяла мама. А следовало прислушаться к мрачным теням под кроватью. Те предостерегали маленькую Лауру. Если б она только слушала их, возможно, ей удалось бы сбежать от монстра. Она усмотрела бы зло под маской дружелюбия. Заметила бы холод в добрых голубых глазах. Распознала бы в его чертах подлые побуждения и жажду завладеть ею.

– Давай, потанцуй со мной. Это твой новый дом, – сказал он с улыбкой.

Но Лаура, точно напуганный еж, свернулась на жестком бетонном полу. Тогда он пришел в бешенство и грубо поднял ее на ноги. Как тряпичную куклу, швырнул через всю комнату. У него были громадные руки, крепкие пальцы врѣзались в плоть. И по сей день она ощущала его хватку на запястьях.

Лаура вскинула голову, как если б он вновь возник перед

ней. Этот могучий человек, который столь внезапно обратился в монстра...

Воспоминание электрическим разрядом пробрало тело до нервных окончаний. Вот она снова здесь, на старой насосной станции, где он держал ее. Лаура едва слышно всхлипнула и подошла к стене, возле которой когда-то лежал ее рваный матрас. От него пахло грязью и страхом других девочек, которые побывали здесь до нее. Лаура окинула взглядом стену. Явственно увидела в трещинах свои обломанные ногти, как если бы они держались там до сих пор. Вместе с тем после ее побега насосную станцию как следует обыскали.

Лаура невольно провела рукой вдоль шрамов, тянувшихся от ключицы по всей груди. Боль давно утихла, но каждое прикосновение пробуждало болезненные воспоминания. Воспоминания до того живые, что казалось, будто ей снова одиннадцать. Она приехала сюда, потому что монстр вновь настиг ее в ночном кошмаре. За последние двадцать лет Лаура бывала здесь нечасто. Долгие годы она надеялась отгородиться от страшных событий. На протяжении дня это ей удавалось, но даже тогда ее порой настигали ужасы прошлого. Она упорно пыталась примириться с пережитым, и все-таки монстр то и дело возвращался. И этой ночью Лаура приехала, чтобы отделаться от него. Здесь он обитал, и здесь ему следовало оставаться. Чудовищу не место больше в ее жизни. Хоть преступник так и не был пойман, давно пора закрыть эту страницу.

Лаура протянула руку и медленно провела по трещинам в стене. Грубый холодный камень царапал кожу. Отчаяние глубоко въелось в старый бетон. Из прошлого все еще доносились крики и плач других девочек.

Лаура услышала шорох у себя за спиной и резко обернулась. Посветила фонарем в темноту. В нескольких метрах над полом тянулись толстые трубы насосной станции. Лаура знала, что за стеной трубы вели вниз. В них очень тесно. В сущности, слишком тесно для человека, и все-таки ей тогда удалось пробраться по верхней трубе наружу. На свободу. Не будь в конце решетки, она бы выбралась практически невредимой. Но, протискиваясь между ржавыми прутьями, Лаура содрала кожу на груди. Несмотря на усилия врачей, в глубокие раны попала инфекция, и в конечном счете пришлось пересаживать кожу с бедра. Поэтому с тех пор Лаура носила только закрытые блузки и брюки. Никому не следовало знать, что и она когда-то стала жертвой. Теперь, будучи следователем при земельном управлении полиции Берлина, Лаура сама помогала людям. Перевоплотилась из добычи в охотницу...

Вновь послышался шорох, и Лаура пошарила во тьме лучом фонаря. Жирная крыса метнулась в угол и скрылась за трубой. Лаура выдохнула и внимательно огляделась. Старое сооружение, от которого со временем останутся лишь развалины. Эти стены больше не таили опасности. Зло покинуло это место. Так почему же оно по-прежнему преследова-

ло ее в кошмарах? Лаура посветила по серым стенам и грязным окнам, многочисленным трубам и приборам, при помощи которых раньше приводились в действие насосы. Постояла неподвижно, пытаясь прогнать из памяти засевшие образы. Через несколько минут она развернулась и вышла. Села в машину и еще некоторое время смотрела на здание сквозь ветровое стекло.

– Сиди там и не выходи, – прошептала Лаура и поехала прочь.

Машина во весь опор мчала сквозь ночь. Только так можно было вырваться из объятий зла. Только перед городской чертой Лаура сбросила скорость и поехала напрямик к себе домой. Стрелка на часах подбиралась к трем. Лаура устало поднялась к своей квартире на мансардном этаже и по старой привычке заперла дверь на задвижку. На цыпочках прошла в спальню.

Тейлор спал в той же позе, что и три часа назад, дышал ровно и глубоко. Лаура разделась и забралась под одеяло. Прильнула к крепкому телу Тейлора.

– Ну наконец-то вернулась, – прошептал он и прижал ее к себе.

Напряжение спало, и Лаура мгновенно уснула.

Доктор Кристин Гебауэр вошла в палату и растерянно огляделась. Куда подевалась пациентка? Ведь еще десять минут назад Кристин делала ей перевязку. Она выглянула в коридор.

– Сестра София? Где пациентка из пятой платы?

Коренастая, но проворная женщина как раз закрывала соседнюю дверь.

– А что она, не в палате, доктор Гебауэр?

Кристин покачала головой.

– Ну, может, в туалете... Буквально только что была в палате.

Кристин нахмурила лоб и посмотрела в конец коридора, где располагалась уборная.

– Я посмотрю, – проговорила она и поспешила по коридору.

Вообще-то у Кристин не было на это времени. Ночь в отделении неотложной помощи выдалась довольно хлопотной. Но пациентка, очевидно, была склонна к суициду, и не стоило оставлять ее одну. Необходимо было оказать ей психологическую помощь, а то вовсе перевести в психиатрическую клинику. Девушка примерно двадцати трех лет, вероятно, пыталась вскрыть себе вены. К счастью, ей не пришлось в голову подробно изучить процесс: она надрезала вены попе-

рек, а не вдоль, и потеряла не так много крови. Если не считать шрамов, здоровью девушки ничто не угрожало. Однако Кристин опасалась, что этой неудачной попыткой дело не ограничится. От нее не укрылись старые отметины на запястьях пациентки. Пробные порезы. Очевидно, девушку давно посещали мысли о самоубийстве.

Кристин открыла дверь в уборную.

– Есть кто? – окликнула она и вошла.

В туалете никого не оказалось. Кристин проверила кабинки. Двери были не заперты. На всякий случай она заглянула в каждую из трех кабинок. Никого. В недоумении Кристин вернулась в палату. Но и там никого не было. Пациентка исчезла.

Кристин вздохнула. Такое происходило не впервые. Несколько дней назад в отделение неотложной помощи обратилась женщина, вероятно пострадавшая от жестокого обращения со стороны мужа или партнера. Она тоже пропала, внезапно и бесследно. И, как назло, до того, как медсестры успели записать ее данные. Кристин всегда ставила оказание помощи пациентам выше формальностей, но если число таких случаев возрастет, то проблем не избежать. Особенно теперь, с исчезновением склонной к суициду пациентки. Не было даже возможности обратиться за помощью, потому что никто не знал ее по имени. Следовало отладить процедуру приема пациентов – по крайней мере, в тех случаях, когда их жизни ничто не угрожало.

В кармане запищал сигнализатор. Кристин закрыла дверь и поспешила в приемное отделение. Санитары вкатили на носилках окровавленного мужчину.

— Авария. Реанимировали по дороге, — сообщил врач «скорой помощи».

Кристин не стала терять время. Отдала краткие указания ассистенту и ввела пострадавшему средство для стабилизации сердечного ритма. Затем проследила, чтобы его незамедлительно доставили в операционную. К моменту, когда за ними закрылись двери, у Кристин не было уверенности, что несчастный переживет эту ночь.

В изнеможении она перешла к пациенту с переломом шейки бедра. Затем последовали два подростка, которые отравились, вероятно перебрав с алкоголем. Пожилую женщину доставили в состоянии критического обезвоживания. После пришлось оказать помощь мужчине с глубокой, но не угрожающей жизни колотой раной. И только потом появилось несколько минут передышки. Кристин решила ненадолго выйти, глотнуть свежего воздуха. В лицо, покрытое испариной, повеяло ночной прохладой. Она закрыла глаза, и напряжение мгновенно спало. До конца смены оставалось еще три часа, по истечении которых Кристин могла наконец рухнуть в кровать. Порой это походило на проклятие, словно одно несчастье влекло за собой следующее. Выдавались ночи, когда Кристин могла между делом прилечь в кабинете, а бывали смены вроде нынешней, и пациенты поступали в

отделение практически ежеминутно.

Впереди стояли две медсестры, тихо переговариваясь, и курили. Кристин задержала дыхание. Она терпеть не могла запах табачного дыма. У нее в голове не укладывалось, как люди могут добровольно отравлять собственные легкие. Даже броские предостережения на пачках, похоже, мало кого останавливали.

Кристин миновала несколько деревьев. На скамейке сидела влюбленная пара. Нога мужчины была закована в гипс. Он обнимал и целовал женщину. Кристин на мгновение задержала на них взгляд и подумала о муже, который лежал сейчас один в постели. С поцелуями и прочим придется подождать до следующего вечера. Она была слишком занята, чтобы думать о близости. Хотя, возможно, стоило найти в себе силы уже сегодня... С прошлого раза минула почти неделя, а годы неуклонно идут. Если ей хочется обзавестись детьми до сорока, то времени осталось не так много.

Кристин представила, как детские голоса заполнят их дом, и улыбнулась. Это был образ прекрасного будущего, и ей виделось в этом едва ли не больше смысла, чем в каждодневном избавлении пациентов от страданий и смерти. Слишком часто борьба была обречена на провал, и Кристин ничего не могла поделать. Вот как сегодня с молодой женщиной, которая безуспешно пыталась умереть. Почему некоторым людям хочется вот так просто расстаться с жизнью? Все-таки жизнь у всех одна, и никто не знает, что ждет их

там, после. В конечном счете смерть может быть куда хуже в сравнении с жизнью, от которой они бегут...

Кристин вздохнула, уже не в первый раз за этот день, и двинулась дальше, к небольшой площадке, где располагались мусорные контейнеры. Сюда редко кто забредал, но ее не смущал слабый запах. Антисептиком в больнице пахло не лучше, зато здесь никто ее не тревожил. Ни влюбленных, ни медсестер, ни коллег – идеально. Кристин присела на выступ стены и запрокинула голову. Погода стояла теплая, в небе сверкали звезды. Ночь настраивала на романтический лад. Вот если б не работа, полная стресса... Кристин задумалась, в какой момент они с Беном стали отдаляться друг от друга. Возможно, работа отнимала у них все силы? Или в их отношения все-таки вкралось определенное безразличие? Ей представилось лицо Бена. Его голубые глаза и озорные морщинки в уголках рта покорили ее с первой минуты... Кристин достала телефон и с тоской посмотрела на его последнее фото. Лицо побледнело от работы в офисе, улыбка выглядела серьезнее, чем в день знакомства. Но глаза по-прежнему светились теплотой.

Кристин улыбнулась и набрала сообщение.

На работе сегодня аврал. Еще три часа, скучаю.

Затем добавила сердечко и отправила сообщение.

Она просидела еще несколько минут, задумчиво глядя на небо, после чего поднялась и направилась обратно в отделение. Когда пересекала улицу, ее внимание привлек продол-

говатый сверток, лежащий перед мусорными контейнерами. Поддавшись любопытству, Кристин подошла ближе. Включила фонарик на телефоне. Сверток черного полиэтилена. Она почувствовала исходящий от него знакомый смрадный запах, и по спине у нее пробежал холод. Такой запах постоянно витал в морге. Дрожащей рукой Кристин откинула полиэтилен. На нее неподвижно уставились темно-карие глаза.

Мгновение Кристин не могла шевельнуться, ноги стали ватными. Глаза транслировали увиденное в мозг, но тот отказывался воспринимать сигнал.

Наконец она стряхнула с себя оцепенение, сделала шаг назад и набрала номер полиции.

– Я обнаружила мертвую женщину возле мусорного контейнера, – сообщила Кристин ломким голосом. Назвала свое имя, адрес больницы и опустила телефон.

Лаура зевнула и устало откинулась на пассажирском сиденье. Макс невозмутимо вел служебную машину по улицам Берлина, к счастью довольно свободным в это время. Не пройдет и часа, как скопятся пробки и по дорогам будет уже не протолкнуться. Но в пять утра люди в большинстве своем еще крепко спали.

– И почему Бекштайн поручил это дело нам? – спросила заспанным голосом Лаура и подавила зевоту.

Йоахим Бекштайн вот уже пятнадцать лет возглавлял подразделение по расследованию похищений, вымогательств и убийств. Лаура высоко ценила его как начальника, поскольку в решающий момент он неизменно держался своих людей.

– Крипо¹, как всегда, перегружена, и у них запросили поддержку. К тому же заведующая отделением, которая обнаружила тело, утверждает, что за последнее время у них исчезли уже несколько женщин.

Лаура выпрямилась. Усталость мгновенно улетучилась.

– Почему тело нашли именно рядом с «неотложкой»? –

¹ Как правило, в ФРГ полицейскую работу в большинстве случаев выполняет криминальная полиция (Kriminalpolizei), при этом на уровне федеральной земли уголовная полиция интегрирована в земельные ведомства криминальной полиции (Landeskriminalamt) и получает поддержку в делах, требующих специальных судебных или следственных ресурсов.

Она с сомнением покачала головой. — Ладно, не важно. Спешить куда-то и впрямь еще рано. Тейлор вот еще спит — и правильно делает... — При этой мысли ее губы тронула улыбка.

— Он у тебя?

От Лауры не укрылся резкий тон в голосе Макса. Он просто не мог смириться с тем фактом, что она сошлась с Тейлором. Макс был невысокого мнения о нем. Этому имелось несколько причин, и прежде всего — их с Лаурой совместное прошлое. В сущности, совершенно идиотская интрижка на тот короткий период, когда от Макса временно ушла жена Ханна. У него с Лаурой так и не вышло ничего серьезного, да и продлилось все это совсем недолго. И все-таки окончательно списать эту историю было нельзя. Лаура видела по глазам Макса, как больно ему видеть ее с другим, в особенности с Тейлором. Американец, довольно привлекательный, который несколько лет назад перебрался в Германию и работал в уголовном отделе полиции. Который, вероятно, в один прекрасный день разобьет ей сердце... Но Лаура после долгих раздумий отбросила сомнения. По крайней мере, на время.

— Ты же в курсе, что он дал мне ключи от своей квартиры? — напомнила она осторожно.

Его лицо стало каменным.

— Лаура, послушай, ты можешь встречаться с кем пожелаешь. Просто я не хочу, чтобы Тейлор сделал тебе больно... Впрочем, прости, что меня это так заботит; больше я не буду

вмешиваться. Обещаю.

Макс натянуто улыбнулся и провел рукой по лысине. Несмотря на проблемы с выпадением волос, он принадлежал к тому типу мужчин, на которых обычно оборачиваются женщины. Высокий и крепкий, с красивым лицом. Мало кто признал бы в нем тридцатипятилетнего семьянина. При этом у них с Ханной росли уже двое детей, которых он любил больше жизни.

– Я хочу всерьез попробовать с Тейлором. Ну, по крайней мере, сейчас, – мягко произнесла Лаура и посмотрела на Макса. – Мне необходимо как-то цепляться за светлые стороны в жизни, иначе рано или поздно я сойду с ума.

Лаура надеялась, что Макс понимал, о чем она говорила. Иначе и быть не могло. Его семья служила идеальным противовесом их суровым трудовым будням. Семья и составляла ту часть жизни, ради которой всем этим стоило заниматься. Если постоянно смотреть в бездну, она рано или поздно затягивает. Если видеть исключительно зло, забывается все хорошее в этом мире. Лаура не хотела превратиться в сломленную жизнью, озлобленную женщину-детектива, каких она знала по фильмам.

– Понимаю, – произнес Макс, коснувшись ее плеча. – Мне бы не пришлось в голову бросить Ханну и детей. Просто иногда я думаю о тебе и о том, что было между нами...

Он не сводил глаз с дороги.

Лаура смотрела на него и знала, что он не ждет ответа. Она

взяла его за руку, еще лежащую на ее плече, и чуть сжала. Макс всегда ей нравился. Он был частью ее жизни, и без него она просто не смогла бы держаться.

– Приехали, – объявил Макс и остановился перед заградительной лентой.

К ним подошел патрульный. Макс опустил стекло и показал удостоверение.

– Макс Хартунг и Лаура Керн, полиция Берлина, – представил он их обоим.

Когда патрульный пропустил их, Макс проехал еще немного и припарковал машину на краю подъездной дороги. Солнце уже взошло, и теплый свет растекался по серому бетону здания больницы. Но Лаура знала: в том, что они скоро увидят, мало приятного. Она выбралась из машины и направилась к группе полицейских и криминалистов, собравшихся возле мусорных контейнеров, обступив полукругом мертвую женщину на асфальте.

Лаура глянула на нее. Женщина лежала на черном полиэтилене, прямо перед контейнером. Выглядело все так, словно преступнику не удалось загрузить ее в бак и он просто свалил тело рядом. С другой стороны, возможно, он хотел, чтобы ее поскорее нашли. Лаура опустила на корточки. Женщина была молода, не больше двадцати пяти. Карие глаза уставились в пустоту, зрачки давно потускнели. На нижней губе остались глубокие следы от передних зубов. На правой щеке проступало синеватое пятно – вероятно, гемато-

ма вследствие удара. На шее угадывались следы удушения. На женщине было короткое платье, и на обнаженных руках также проступали синяки. Очевидно, что ее удерживали силой. Лаура ясно видела отметины пальцев на коже. Когда же ее взгляд упал на кисти, она содрогнулась. Оба указательных пальца распухли, заплыли сине-зеленым и фиолетовым; в нескольких местах имелись четко обозначенные вмятины.

– Откуда эти травмы? – спросила потрясенно Лаура доктора Херцбергера, их судмедэксперта.

– Полагаю, результат ударов палкой или, что вероятнее, молотком, – ответил он. – По всему телу отмечаются следы побоев, как старые, так и свежие. Очевидно, перед смертью она терпела сильную боль.

– А причина смерти? – спросил Макс.

Доктор Херцбергер пожал плечами:

– Сложно сказать. Следы удушения выглядят недостаточно глубокими, чтобы привести к смерти. К сожалению, с первого взгляда я не смогу это определить. Внешне опасных для жизни ранений пока что не вижу.

– Как давно наступила смерть?

– Точнее смогу сказать только после вскрытия, но окоченение четко выражено. То есть смерть наступила по меньшей мере восемь часов назад. Но могло пройти и два дня.

Лаура поднялась:

– Содержимое карманов уже проверили?

Сотрудник научно-экспертного отдела кивнул:

– Ничего нет. Ни документов, ни денег, даже платка не оказалось. Украшений нет, но вокруг безымянного пальца на левой руке светлая полоса. Вероятно, от кольца.

– Еще какие-то следы?

– Мы еще работаем, хотя результаты не обнадеживают. На сухом асфальте нет возможности определить следы шин или обуви. Окружающие предметы вряд ли имеют отношение к убитой или преступнику. – Он указал на коробку с пакетами для улики. – Мы подобрали пустую упаковку от бинта, пластырь, пинцет и прочий мусор. Скорее всего, отходы из больницы, выброшенные мимо контейнера.

Лаура огляделась:

– Камеры проверяли?

– Еще нет, как раз работаем над этим. Одна установлена над нами и вроде бы должна охватывать контейнерную площадку.

Лаура взглянула на камеру. Оставалось надеяться, что преступник или преступники попали в кадр. Она вновь перевела взгляд на мертвую женщину и задумалась, почему убийца оставил тело именно здесь. Прямо под камерой, рядом с больницей, где всегда оживленно... Его могли заметить в любой момент, с чего бы идти на такой риск? Почему бы не отъехать на пустырь, в лес или не выбрать другое отдаленное место? И ради чего оставлять тело возле вонючих мусорных баков? Чтобы, из презрения к жертве, унижить ее напоследок? Эта женщина была для него просто мусором или выбор

места случаен?

Лаура закрыла глаза и попыталась уловить затаенное в этом месте зло. Но чувствовала лишь, как теплый летний ветер гладит по волосам. Она повернулась к Макс:

– Поговорим с заведующей?

Макс кивнул. Они обошли здание и направились к главному входу. Над дверьми светилось красными буквами «Отделение неотложной помощи». Лаура не особенно любила больницы. Запах вызывал у нее тошноту, и ей не хотелось вспоминать то время, когда сама она проводила там долгие недели. Стеклопакеты дверей разъехались автоматически. Лаура задержала дыхание и выдохнула только перед стойкой информации.

– Мы хотели бы поговорить с доктором Кристин Гебауэр, – сказала она сотруднице за стойкой и показала удостоверение.

– Секунду, я свяжусь с доктором... – Женщина набрала нужную комбинацию на телефоне. – Доктор Гебауэр сейчас подойдет. Подождите там, пожалуйста. – Она указала на ряд серых обшарпанных стульев.

Лаура не стала садиться, и Макс последовал ее примеру.

– А что, если женщину и не убивали вовсе? – спросил он задумчиво. – Может, она просто умерла...

– А любимый, или кто там еще, завернул ее в черную пленку и отнес к мусорному баку? – Лаура с сомнением покачала головой. – Любой нормальный человек вызвал бы

«скорую» или на худой конец отвез бы в больницу, будь она даже мертвой.

Макс скривил губы:

– Пожалуй, ты права. Нечасто в нашем деле бывает так, что причина смерти совершенно неочевидна... Я ожидал хотя бы ножевое ранение, пулевое отверстие, ну или что-то подобное.

– Да, я тоже, – согласилась Лаура. – Непонятно только, почему он выбрал именно больницу, чтобы избавиться от тела.

В этот момент распахнулась дверь в желтую крапинку и к ним вышла женщина лет сорока, с волосами, собранными в пучок, и выразительным лицом.

– Доброе утро. Я Кристин Гебауэр. Вы из полиции?

Лаура показала удостоверение:

– Земельное ведомство Берлина.

Доктор Гебауэр удивленно вскинула брови:

– Не думала, что вы занимаетесь обычными убийствами.

– В криминальной полиции постоянная нехватка людей, – объяснила Лаура, внимательно изучая неестественно бледное лицо заведующей. Должно быть, она всю ночь провела на ногах и валилась от усталости. Во всяком случае, темные круги под глазами трудно было не заметить.

– У нас здесь тоже вечный аврал... – Вздохнув, фрау Гебауэр помолчала. – Кстати, я знаю убитую, – продолжила она затем, к удивлению Лауры. – Она была у нас недели две назад, может, чуть меньше. Я сама оказала ей помощь и обра-

тила внимание на следы побоев, типичные в случае домашнего насилия. Они приходят и говорят, что упали с лестницы, обожглись о плиту, обычное дело... – Она снова вздохнула и посмотрела на свои руки. – В общем, я посоветовала этой женщине подать заявление в полицию и при необходимости попросить защиты в женском центре. – Посмотрела сначала на Лауру, затем на Макса. – В какой-то момент она просто взяла и исчезла. Ее забрал муж... – Заведующая покачала головой. – В голове не укладывается. Муж избивает ее, а она уходит с ним как ни в чем не бывало... Я была уверена, что рано или поздно снова ее увижу... – Она осеклась. – Конечно, не в таком виде.

– Не могли бы вы назвать имя женщины? – Лаура достала блокнот.

– К сожалению, не знаю. Она ушла прежде, чем мы успели записать ее данные. В ту ночь мы были так загружены, что ничего не успевали. – Доктор Гебауэр виновато взглянула на Лауру. – Простите, ничем не могу вам помочь. Руководство больницы уже насаждает на меня по этому поводу. Но, конечно, им там наверху невдомек, каково это – каждую минуту времени заниматься пациентами.

Лаура прекрасно понимала ее доводы.

– Вы сказали диспетчеру, который принял ваш звонок, что этот случай не единственный.

– Да, это так. Буквально этой ночью снова исчезла пациентка, прежде чем мы успели записать ее данные. И, что ху-

же всего, я подозреваю, что девушка склонна к суициду. Она уже пыталась вскрыть себе вены. У нее по всему телу наблюдались гематомы, был выбит один зуб, а левый глаз так заплыл, что почти не видел. В таких случаях бывает сложно думать о формальностях, – устало проговорила доктор Гебауэр. – Эти административные дела отвлекают от работы и врачей, и медсестер. Если часами заполнять формуляры, кто-нибудь обязательно умрет.

В голосе женщины сквозило разочарование. Хотя на вид ей было не больше сорока, казалось, она уже сознавала, сколь тщетны все ее попытки спасти мир. И это развеивало всякие иллюзии.

– Не могли бы вы дать подробное описание внешности? Мы пришлем к вам сотрудника, чтобы составить фоторобот, – предложил Макс.

Доктор Гебауэр кивнула.

– Да, конечно.

– А кто-нибудь из медсестер или сотрудников видел, куда направилась пациентка? – спросил Макс, сделав пометку у себя в блокноте.

– Нет, как я уже сказала, этой ночью все сбились с ног. Я позволила себе краткую передышку, и то лишь затем, чтобы... – Она умолкла.

– Могу представить, каково вам сейчас, – искренне посочувствовала Лаура.

Даже просто обнаружить тело само по себе ужасно, а если

это еще и знакомое лицо... Шок возрастает многократно.

Доктор Гебауэр вдруг взглянула на Лауру так, словно на нее снизошло озарение.

– Мужчина вывел ее по лестнице, а не на лифте.

Лаура не вполне понимала, к чему она клонит.

Очевидно, доктор Гебауэр заметила это. Она приложила ладонь ко лбу и добавила:

– Выход на лестницу под видеонаблюдением.

Яркий свет по-прежнему слепил. Ева чувствовала опасность, но все-таки послушно села. Она все равно не знала, куда ей бежать. Кроме того, она умирала с голоду, а аромат стоял восхитительный. Против мужчины у нее не было шансов. Ева решила подчиниться.

Она подцепила вилкой картофелину и управилась с ней в считанные секунды. Затем отрезала кусок отбивной и стала жадно жевать. При этом она беспокойно озиралась. Глаза все никак не привыкали к слепящему свету.

– Очень вкусно, – произнесла Ева.

И в ту же секунду вздрогнула. Фрэнк, если она позволяла себе подобные комментарии, обычно выходил из себя. В конце концов, за что бы он ни брался, все удавалось безупречно, и это не могло вызывать сомнений. Но человек, сидящий напротив, как будто улыбнулся. Во всяком случае, лыжная маска растянулась в области рта, да и глаза смотрели с теплотой. Ева не видела его лица. Возможно, это и к лучшему. Он мог бы отпустить ее – она ведь понятия не имела, кто это. Не смогла бы даже назвать цвет его глаз. Ева по-прежнему шурилась от света, а левым глазом и вовсе ничего не видела – не давал болезненный отек.

– Рад, что тебе нравится, Ева, – ответил он.

Она содрогнулась:

– Откуда вы знаете мое имя?

– У тебя хороший аппетит. Это чудесно, – произнес он, словно и не слышал ее вопроса.

Ева затолкала в рот очередной ломтик картофеля, раздуывая о намерениях мужчины. Как правило, если Фрэнк оказывал излишнее дружелюбие, от него следовало ожидать какой-то гнусности. Ева недоверчиво смотрела на незнакомца.

– Я хочу домой, – прошептала она с мольбой в голосе.

Мужчина лишь улыбался, глядя на нее.

Ева поерзала на стуле. Мужчина вскинул руку, и она инстинктивно сжалась. Но он лишь указал пальцем на бокал рядом с тарелкой.

– Прекрасный урожай. «Риоха» с нотками ванили. Ева, милая моя, попробуй.

Тон, каким он произносил ее имя, сбивал с толку. Он вкладывал в него столько тепла и участия... Скорее даже нежность. Ева взяла бокал и сделала глоток. Вино действительно оказалось превосходным. В сущности, ничего лучше она и не пробовала. Фрэнк предпочитал пиво или что-нибудь покрепче, поэтому она давно не покупала вина. В общем-то, холодильник у них и так пустовал. Ева не любила ходить в магазин с синяками на лице – меньше всего ей хотелось ловить на себе сочувственные взгляды и выслушивать разумные советы. Она вспомнила лицо доктора из больницы. Та смотрела на нее так, словно у нее не все дома. Особенно ко-

гда Ева сказала, что не хочет обращаться в полицию. У нее только один выход в этой гребаной жизни... Она посмотрела на свои забинтованные запястья. Если бы все получилось, она сейчас не сидела бы здесь, гадая, чего хотел от нее этот тип в лыжной маске, в то время как Фрэнк, вероятно, разыскивал ее и неизбежно злился. Еве никуда нельзя уходить от него, он всегда доходчиво объяснял это ей. Она невольно коснулась пальцами заплывшего глаза.

– Нравится вино? – спросил мужчина. Его взгляд пронизывал насквозь.

Ева кивнула и осушила бокал.

– Можно еще немного?

Мужчина широко улыбнулся. Теперь она ясно это увидела. Его полные губы обозначились под маской. Он поднялся и подлил ей вина. Ева уловила его запах. Терпкий, мужской, небезынтересный.

Мужчина встал рядом с ней. Теперь Ева могла различить цвет его глаз. Голубые, цвета морской волны. И он смотрел на нее с нежностью.

– Почему я здесь? – спросила Ева растерянно.

Он улыбнулся.

– Для начала тебе нужно поправиться. Тебе многое пришлось пережить... Я тебя знаю, Ева.

– Но... – начала она.

– Тсс, – шепнул он и заботливо положил руку ей на плечо. – Ты слишком много думаешь. У меня тебе будет хоро-

шо, – пообещал мужчина, при этом в его голосе было столько тепла, что у Евы голова пошла кругом.

Кто же, в конце концов, этот человек? Почему он решил заботиться о ней? Больше всего ей хотелось вскочить и убежать прочь. Но что-то ее останавливало. Его рука на ее плече, которая мягко, но недвусмысленно удерживала ее на стуле? Или голос, в котором было столько сочувствия?

Хотя ее разум надрывался от крика, Ева осталась сидеть. Она взяла бокал, откинулась на спинку и попыталась улыбнуться.

– Повезло вам. В течение суток старые записи должны были удалить, – сказал сотрудник службы безопасности, обеспечивающей видеонаблюдение в больнице. Его лицо почти целиком скрывала борода, редкие волосы были собраны в тонкий хвост. От него невыносимо пахло табачным дымом. Лаура заметила грубые пожелтевшие ногти. Очевидно, он курил как не в себя.

Словно в подтверждение, оператор хрипло закашлялся. Доктор Гебауэр поморщилась, явно сдерживаясь изо всех сил.

– Вам бы срочно завязать с курением, герр Винклер, – все-таки произнесла она поучительным тоном – и заработала недоуменный взгляд.

– Все мы умрем, рано или поздно, – проговорил он равнодушно и кликнул по нескольким папкам на компьютере. – Когда, говорите, эта пациентка исчезла из палаты?

– Пару недель назад. К сожалению, не помню точно, в какой день. Нам нужны записи с лестничной клетки. Она ушла вместе с мужем по лестнице. Это было ранним утром, с пяти до семи.

Герр Винклер почесал косматую бороду и вывел на экран первую запись. Лаура пододвинулась к монитору. Макс до этого момента стоял в дверях, но теперь присоединился к

ним.

– Ровно две недели назад ничего нет. Посмотрим, что было на следующий день... – Винклер запустил следующее видео на ускоренном воспроизведении.

Поскольку выход на лестницу располагался в укромной нише, ею почти никто не пользовался. Когда кто-то из санитаров открыл дверь, Винклер нажал на паузу, но затем возобновил воспроизведение в ускоренном режиме. Запись со следующего дня также ничего не показала.

– Это она? – спросил Винклер, когда на следующей записи появилась женщина с длинными каштановыми волосами в сопровождении мужчины в бейсболке.

Лаура с первого взгляда узнала женщину.

– Это убитая, которую обнаружили сегодня ночью.

– Да, это она, – проговорила доктор Гебауэр. – А рядом с ней, вероятно, муж или партнер... Черт, его толком и не разглядеть.

Макс наклонился почти вплотную к монитору.

– Вижу темные волосы из-под кепки. А есть вторая камера, с другим ракурсом?

Винклер покачал головой.

– Увы. На лестничных маршах камер не установлено. Следующая только на выходе, но и там его видно лишь со спины. Разве что он оборачивался...

– И все-таки мы посмотрим записи, – сказала Лаура и повернулась к доктору Гебауэр. – Может, кто-то из персонала

сумеет вспомнить мужчину?

– Нет. Я спрашивала у медсестер и санитаров как о пациентке, так и об этом человеке. Никто не видел, как он забирает ее. Я сама видела не больше того, что вы сейчас увидели на записи. Вот и прошлой ночью, когда пациентка исчезла из палаты, никто не заметил.

Винклер включил запись с наружной камеры, установленной над выходом с лестницы. Камера выхватывала из темноты всевозможные оттенки серого. Трудно было что-либо разглядеть. Будущая жертва и ее спутник на несколько секунд появились в нижней части экрана. По их неспешной походке непохоже было, чтобы они куда-то торопились.

– Они идут не к парковке, – заметила Лаура. – Вот, поворачивают к мусорным бакам...

Макс бросил на нее тревожный взгляд.

– Но там тоже есть камеры. Герр Винклер, не могли бы вы включить запись?

Оператор, кивнув, пробежался пальцами по клавиатуре. Происходящее доставляло ему явное удовольствие.

– Вот они. Им потребовалась минута, чтобы обойти здание.

– Проклятье... Не вижу машины, – разочарованно сказала Лаура, глядя, как пара идет к подъездной дороге и скрывается из поля зрения.

– Где-то же он должен был припарковаться... Или, может, они живут где-то поблизости?

Запись продолжалась, но на экране ничего не происходило. Никто не проходил этим маршрутом среди ночи. Винклер стукнул по клавише, и экран погас. Вопрос Лауры повис в воздухе. Казалось, каждый думал о чем-то своем.

– Ладно, – проговорила наконец Лаура. – Давайте посмотрим записи с прошлой ночи. Может, удастся вычислить эту склонную к суициду пациентку...

Герр Винклер моментально нашел нужный файл. Он запустил запись с двух часов ночи. Картинка менялась с головокружительной быстротой, однако на лестнице редко кто показывался. Лаура устало прищурилась. Воздух в помещении застоялся, ей срочно требовался кислород.

– Сожалею, но вашей пациентки не видно. Может, она спустилась на лифте? Сейчас посмотрим... – И Винклер вновь принялся за работу.

– Вот! Тот же самый тип! – воскликнул Макс, когда на экране вновь что-то мелькнуло, и прильнул к монитору, едва не касаясь носом. – Присмотритесь.

Мужчина в надвинутой на лицо бейсболке вез перед собой женщину в кресле-каталке. Женщина, по всей видимости, спала.

– Какой-то тип вывозит на каталке мою пациентку!.. Поверить не могу, – возмутилась доктор Гебауэр. – Когда я обследовала ее, она была в сознании. Должно быть, этот человек чем-то ее накачал.

Лаура присмотрелась к женщине.

– Не могли бы вы сделать фото?

Винклер кивнул. Лаура оценила комплекцию мужчины. Сходство действительно было налицо.

– Значит, никакой это не супруг и не партнер убитой, – прошептала доктор Гебауэр. – Но в таком случае кто это?

Никто в комнате не знал ответ. Однако один лишь факт, что этот человек дважды попал в поле зрения камер, говорил о многом. Ни Макс, ни Лаура не хотели что-либо обсуждать в присутствии посторонних. Они лишь молча переглянулись. Если все так, то перед ними убийца. И этой ночью в его руках оказалась еще одна жертва.

Лаура всматривалась в каждое движение мужчины.

– Мы отправим видео нашим специалистам для анализа, – сказала она.

Симон Фишер, настоящий компьютерный гений, из самого размытого изображения мог добыть массу информации.

– Доктор Гебауэр, вы нам очень помогли. Но вам следует проследить, чтобы пациентов оформляли надлежащим образом. Может, вам известно о подобных случаях среди коллег?

Заведующая посмотрела на нее с недоумением.

– В каком смысле?

– Это скорее исключения – или часто бывает так, что пациентам оказывают помощь прежде, чем запишут их данные? – Лаура выдержала паузу. – Нам лишь нужно знать, действует ли этот человек именно в вашу смену.

Доктор Гебауэр, сглотнув, помотала головой.

– Нет, все зависит от загруженности. Вообще такое происходит не то чтобы часто... Обычно мы оформляем пациентов при поступлении. И все-таки здоровье пациента для нас на первом месте. Так что да, в экстренных случаях мои коллеги также оказывают помощь – и только потом улаживают формальности.

– Понятно, – ответила Лаура. – Значит, не имеет значения, кто несет дежурство. Нужно только дожидаться очередного наплыва пациентов и в суматохе исполнить задуманное...

– То, что не успели оформить конкретно этих двух пациентов, конечно, явное совпадение. Как правило, этим занимаются медсестры. Но, естественно, когда пациентов много, они постоянно заняты. В девяноста девяти процентах случаев все делается вовремя.

– То есть ему просто повезло, – заключил Макс.

Доктор Гебауэр кивнула, хоть и неуверенно.

– Господи, теперь я ни в чем не уверена... – Голос у нее чуть подрагивал. – Может, он все-таки наблюдал за мной и за медсестрами? Кто знает, сколько в итоге женщин он увел из больницы... Если б не сегодняшняя моя находка, я вообще не заметила бы взаимосвязи. – Она нервно провела рукой по волосам. – Боже мой... Значит, это серийный убийца, я права? Он уводит женщин из больницы и убивает их... В голове не укладывается!

– Расследование пока в начальной стадии, но, боюсь, ваши опасения могут подтвердиться. – Лаура протянула ей визитную карточку. – Если вы еще что-то вспомните, звоните в любое время, хоть ночью.

Когда Винклер отдал им записи с камер, Лаура и Макс вернулись к контейнерной площадке.

Работа криминалистов шла полным ходом. Вокруг мусорных баков трудилась целая команда. Сверкали вспышки камер. В коробках копился доказательный материал. Двое сотрудников на краю дороги изготавливали гипсовый слепок. Молодая женщина обыскивала редкий кустарник у стены дома. Тело уже увезли, и доктор Херцбергер должен был сегодня же провести вскрытие. Лаура хотела поскорее узнать причину смерти. Случай представлялся ей совершенно нетипичным.

– Если судить по записи, то будущая жертва шла по доброй воле, – заметила Лаура и взглянула на Макса.

Тот задумчиво поджал губы.

– Согласен. Хотя картинка довольно размытая. Может, этот мужик держал в кармане пистолет или еще что... Он шагал чуть позади. А вторая женщина едва ли добровольно села в кресло. Уж ее-то он определенно похитил.

– Да, в этом есть логика... – Лаура подошла к машине и открыла дверцу с пассажирской стороны. – Симон Фишер должен как можно скорее заняться анализом записей, чтобы точно знать, действительно ли речь идет об одном и том же

человеке, – рассуждала она, пока Макс запускал двигатель. – Потом нужно пробить обеих женщин по базам данных. Если убитая действительно пробыла в руках убийцы одиннадцать дней, родные должны были заявить о ее пропаже.

«И будем надеяться, что вторая женщина еще жива и нам удастся вовремя ее разыскать», – добавила она про себя.

Мужчина перед стойкой недвусмысленно кивнул. Меньше всего ей хотелось реагировать на него. Тело требовало отдыха. Она трудилась всю ночь. Приняла у себя в комнате больше двадцати человек – и вот очередной клиент, которого требовалось обслужить... Она покорно взглянула на Сашу: тот взирал на нее, приподняв брови. Он не терпел возражений. Она принадлежала ему и должна была исполнять все его требования. Этот урок она хорошо усвоила.

Она заставила себя улыбнуться и похлопала наращенными ресницами. Клиент, тощий пожилой мужчина с морщинистым лицом, похотливо осклабился. Он обхватил ее за талию и грубо прижал к себе. Затем подтолкнул к узкой лестнице, ведущей на второй этаж – там располагались комнаты. В течение дня многие из них были свободны, а вот ночами становилось тесно, и девушкам следовало быть расторопнее. С каждым клиентом нужно уложиться в тридцать минут.

Но Марина и не собиралась затягивать. Ради чего, собственно? Старику много времени и не понадобится, а ей хотелось наконец поспать. По крайней мере, ей уже стало безразлично, когда ее трогали. Когда пользовались ею, словно вещью, ради удовлетворения похоти. Многие даже не знали ее настоящего имени и звали ее Илоной. Имя до сих пор звучало непривычно для ее слуха, как и немецкий язык, кото-

рый она с трудом осваивала в последние месяцы.

Марина выбрала первую комнату по правую руку и жестом пригласила клиента. Тот сразу взгромоздился на кровать и окинул ее алчным взглядом.

– Как тебя зовут? – спросил он и лег на кровати.

– Илона, – ответила Марина и освободилась от платья.

Ей хотелось покончить с этим как можно скорее. Втянув живот, она подошла к кровати и взяла презерватив с тумбочки. Затем, оседлав мужчину, принялась расстегивать его брюки.

Старик закрыл глаза. Резкий запах его парфюма бил в нос. Марина скривилась и стянула с него брюки, ровно настолько, чтобы исполнить свои обязанности. Затем заработала бедрами. Хватило десяти, от силы пятнадцати движений. Его пальцы болезненно впились ей в ягодицы. В тот момент, когда уже сложно было сдерживать стон и хотелось стряхнуть его руки, он сам ослабил хватку и вялым мешком упал на матрас. Марина поспешно слезла с него, подождала, пока он откроет глаза.

– Презик, – сказала она и кивнула на ведро возле кровати.

Старик ухмыльнулся, стянул презерватив и бросил в ведро. Затем достал из кармана несколько банкнот и вложил ей глубоко в декольте. Слегка прикусил за шею.

Марина сделала над собой усилие, чтобы не отпрянуть, и безразлично задержала дыхание.

– Ты была хороша, – проговорил он и отстранился от нее.

Марина выдохнула, глядя, как старик выходит из комнаты. Торопливо пересчитала деньги. Совокупление с ней стоило сто двадцать евро. Называть это как-то иначе не поворачивался язык, и само слово давало некую отстраненность. Еще восемь месяцев назад ей и в голову не пришло бы торговать собственным телом. Но за два месяца в темном подвале вместе с другими девушками Марина кое-что усвоила. Их избивали, содержали в холоде и морили голодом. От гордости не осталось и следа. Зато теперь она не мерзла, ела досыта и зарабатывала деньги, часть которых могла оставлять себе. Львиную долю, конечно, забирал Саша. За это он почти не бил ее. В отличие от других сутенеров, этот был по-своему добр. Девушки в большинстве своем у него выживали, а по достижении определенного возраста Саша их отпускал.

Марина была родом из маленькой деревни в Румынии. Провинциальная глушь. В пятнадцать лет мать отправила ее в Германию. Кроме нее, в семье росли еще пятеро детей, и это был неплохой шанс. Дальний родственник выхлопотал для Марины работу в далекой чужой стране. Она собиралась стать официанткой и начать самостоятельную жизнь... Сколь торжественно Марина еще наивной девочкой покидала дом, столь скоро ей предстояло расстаться с иллюзиями. В свои шестнадцать лет она повидала столько мерзости, что теперь ей сложно было чему-то удивляться.

Звук телефона вырвал ее из раздумий. Сигнал тревоги. В последнее время он звучал все чаще. Марина похватила ве-

щи, выбежала из комнаты, промчалась по коридору и побежала вверх по лестнице.

Симон Фишер сосредоточенно прищурил глаза и поправил очки в роговой оправе. После чего усердно застучал пальцами по клавиатуре. На экране можно было видеть кадры с камер видеонаблюдения.

– С ночными записями всегда много возни, – сообщил Симон. – Но не волнуйтесь. Если где-то в темноте стоит машина, мы ее отыщем.

Лаура и Макс сидели по обе стороны от него и терпеливо ждали. Они уже выяснили, что двух женщин из больницы, вероятнее всего, похитил один и тот же человек. Симон выделил контуры мужчины и наложил друг на друга. Рост, телосложение, походка – все совпадало. К сожалению, его лицо так ни разу и не попало в кадр. Таким образом, под подозрение попадал любой мужчина сходного роста и телосложения.

Теперь они искали другие зацепки. Автомобиль, а еще лучше номер или что-то подобное. Кадры становились четче и светлее. Женщина и ее спутник шли мимо мусорных баков. Прежде чем скрыться из поля зрения, мужчина повернулся боком.

– Что это у него? – Лаура постучала по экрану.

Симон остановил воспроизведение, отмотал назад и приблизил кадр. В темноте что-то сверкнуло.

– Чтоб меня, у него в руке нож, – определил он и выде-

лил фрагмент. – Вот так, четко видно. Он приставил нож ей к ребрам. Просто все это время шел позади нее, так что не было видно... – Симон задумчиво почесал голову. Его редкие волосы торчали в разные стороны. – Как по мне, этот тип точно знает, где развешаны камеры. Он каждый раз так поворачивается, что я не могу выхватить его лицо. И нож ему так ловко удавалось прятать – вплоть до этого момента...

Симон приблизил фрагмент, так что Лаура могла разглядеть клинок. Затем он продолжил высветлять задний план в поисках автомобиля. Мужчина и женщина продолжали движение, пока не скрылись в темноте. Стараниями программиста их было видно на пару секунд дольше. Но в какой-то момент они просто вышли за пределы охвата камеры, а машины так и не показалось.

– Поверить не могу, – проговорил Макс. – Она даже не пытается сбежать от него.

– А что ей оставалось? Он угрожал ей ножом, – возразила Лаура.

– Можно было хотя бы позвать на помощь или попытаться сбежать. А она шагает, словно гуляет с лучшим другом... – Макс хмуро покачал головой.

– Эта женщина терпела побои от своего партнера. – Лаура пожала плечами. – Естественно, она оказалась в экстремальной ситуации, в эмоциональном смысле. Кто знает, что пообещал ей этот тип... Может, он представился ей духовным лицом или сотрудником какого-нибудь объединения, кото-

рое заботится о жертвах насилия. Возможно, это все ее даже не смутило. Чего ей, собственно, бояться после побоев?

Слова повисли в воздухе. Макс и Симон смотрели на нее, явно сбитые с толку. Кроме нее, очевидно, никто не представлял, как это вообще возможно – добровольно пойти куда-то с незнакомцем. Ни один из них не оказывался в той ситуации, в какой Лаура оказалась ребенком. Им сложно было понять ее. Монстр не бывает монстром каждую минуту времени. У него есть множество лиц, и зло выдает себя, когда жертва уже попала в его сети.

– Может, этот человек сказал, что хочет ей помочь, и она поверила... Кроме того, по записи нельзя понять, в какой момент он достал нож, – добавила Лаура и вздохнула.

– Посмотрим вчерашние записи. – Симон открыл новый файл. – Может, в этот раз он припарковался в зоне видимости...

На видео все происходило схожим образом. Мужчина толкал перед собой кресло-каталку. При этом он опустил голову, так что под козырьком бейсболки не было видно его лица. Симон приближал отдельные фрагменты, но вплоть до того момента, когда странная пара удалилась за пределы видимости, машину обнаружить так и не удалось.

Симон тихо выругался.

– Должна же у него быть машина... Ладно, давайте посмотрим момент, когда он избавлялся от тела. Может, увидим там что-то полезное. Не на своем же горбу он тащил те-

ло к площадке.

Потребовалось немало времени, чтобы найти соответствующий фрагмент записи. Лаура затаила дыхание. Что побудило предполагаемого преступника оставить тело под объективом камеры, у больницы, где всегда много народу?

– Если он сейчас подъедет на машине, это будет чудо, – пробормотал Макс.

Все трое уставились в монитор. С краю в зоне видимости камеры показалась тень. Симон сразу высветлил изображение.

«Точно не машина», – подумала Лаура, напряженно всматриваясь в экран. Изображение было нечетким, и смазанные оттенки серого искажали картинку. Но не было сомнений, что к контейнерной площадке кто-то приближался, направляясь напрямиком к мусорным бакам. Судя по телосложению, это был мужчина. Он не тащил тело на своем горбу, а толкал что-то перед собой.

– Что это? Чемодан? – задумалась вслух Лаура.

Симон приблизил картинку и повысил контрастность.

– Сложно сказать, – произнес он. – На темном фоне трудно что-то разглядеть. Но на чемодан это не похоже.

– Может, кресло-каталка? – предположил Макс. – Оно же катится?

Лаура присмотрелась. Мужчина приближался. Понять, что он толкает перед собой, по-прежнему было нельзя. Она так всматривалась в происходящее, что начали слезиться

глаза. Наконец мужчина поравнялся с мусорными баками и развернул неопознанный объект. Симон двукратно приблизил изображение.

– Садовая тачка, – определила Лаура. – Боже мой... Он подвозит тело на садовой тачке и сгружает у мусорных баков!

– Не мог же он катить ее по всему городу... Значит, его машина где-то поблизости. Сразу за пределами охвата камеры. Наверняка он заранее определил углы обзора, – высказался Макс.

У Лауры родилась мысль.

– Надо еще раз привлечь криминалистов. Это кресло он также должен был где-то оставить. Может, где-то поблизости есть другие камеры, и по ним удастся отследить нашего преступника...

Симон покачал головой.

– К сожалению, нет. Я уже проверил. – Он открыл план города и показал на подъездную дорогу к больнице. – Вот здесь есть парковка без видеонаблюдения. Просто площадка с гравием, а за ней начинается парк. Там камер нет. Ближайшая только у супермаркета на следующем перекрестке.

Лаура вздохнула.

– Это было бы слишком легко. Но вы все-таки проверьте, можно ли получить записи с камер супермаркета. Может, нам повезет.

– Конечно, – ответил Симон. – Посмотрим, что удастся

найти. Сначала он забрал женщину из больницы. Потом привез тело обратно и увел другую женщину. Если в эти дни появится одна и та же машина, он у нас в руках.

Симон ухмыльнулся и взмахнул рукой, словно подавал сигнал к атаке. Лаура усмехнулась.

– Теперь надо просмотреть заявления о пропаже. – Она поднялась и кивнула Максу.

Они вернулись в свой кабинет. Пока Лаура прочесывала базы данных, Макс проверял список всех сотрудников больницы, которые как-то соприкасались с обеими женщинами. В Берлине и окрестностях каждый день пропадали десятки людей. Многие из них просто объявлялись вновь. В большинстве случаев все было объяснимо. Но если за исчезновением крылось преступление, начиналась гонка со временем. Чем дольше жертва находилась в руках преступника, тем меньше были шансы разыскать ее живой. В случаях с детьми значение имели первые двадцать четыре часа, у взрослых времени было чуть больше. Тем не менее каждая минута означала для жертвы страдания.

Лаура сосредоточила внимание на второй женщине, возможно еще живой. Брюнетка, рост метр семьдесят, стройная, не старше тридцати. Как и опасалась Лаура, за последние сутки сообщений о людях, подходящих под это описание, не поступало. Она в отчаянии посмотрела на фотографию похищенной, которую распечатал для них Симон, и положила ее рядом с фото убитой. Между женщинами было удиви-

тельное сходство. Лаура проверила базу данных по тем же критериям, но увеличила диапазон до двух недель. На экране ожидаемо появилось несколько записей. Одна из женщин сразу бросилась ей в глаза. При своих симметричных чертах лица она выглядела почти как модель.

– Ты такая милая, – сказал он, и его губы под маской изогнулись в улыбке.

Ева кивнула. Ей слишком часто приходилось слышать эти слова, и они давно утратили свое волшебство. По горькому опыту она знала, что комплименты, как правило, даром не достаются. Все имеет свою цену; если кто-то называл ее милой, это были не более чем попытки приударить.

– Тебе не нравится то, что я говорю?

Резкий тон в его голосе заставил Еву насторожиться.

– Конечно, нравится, – торопливо проговорила она и робко посмотрела в его голубые глаза.

Ей было неуютно под суровым взглядом этого высокого человека. Он взирал на нее, как учитель на школьницу, которая опоздала на занятие или забыла принести домашнюю работу.

– Хорошо, – произнес он чуть мягче и жестом велел ей подняться. – А сейчас тебе нужно принять душ и переодеться.

Затем вывел ее из комнаты, и они двинулись по темному коридору. Ева украдкой озиралась. Она понятия не имела, где находится; дом казался ей огромным. Коридор имел в длину по меньшей мере пятнадцать метров. Справа и слева располагались комнаты. Ева заметила чуть приоткрытую

дверь и замедлила шаг, попыталась заглянуть в узкую щель. Но мужчина грубо подтолкнул ее. Краем глаза она успела разглядеть большую кровать, на которой лежало скомканное одеяло. Вероятно, там спал незнакомец? В этот миг скрипнула половая доска. Ева могла поклясться, что в доме есть кто-то еще, но не посмела остановиться или спросить. Они прошли до конца коридора.

– Сюда, – шепотом произнес мужчина и запер за ней дверь.

Ева сделала вдох и огляделась. Почти всю комнату занимала кровать с розовым пологом. По правую руку стоял туалетный столик с зеркалом. Рядом располагалась дверь. Ева с любопытством повернула ручку и шагнула в просторную ванную. Там стояла старомодная ванна и унитаз, еще с цепочкой. Матовое стекло, отделяющее душевой угол, вероятно, не менялось с пятидесятих годов и с течением времени обрело желто-коричневый оттенок. Плитка переливалась странным зеленоватым блеском, швы между ними почернели. Чем дальше Ева рассматривала ванную, тем меньше ей хотелось здесь мыться. Она уже собиралась выходить, когда на глаза ей попало окно. Ева бросилась к нему и вцепилась в ручку, но та не сдвинулась ни на миллиметр. Деревянная рама была такой же старой, как и все остальное в ванной комнате. Ева дернула на себя створку – без какого-либо результата. Посмотреть наружу не представлялось возможным, поскольку и здесь стекло было матовым. Она огляде-

лась и заметила ершик для унитаза в тяжелой фарфоровой чаше. Внезапно желание выбраться пересилило страх. Ева взяла чашу и замахнулась. Сердце бешено колотилось. Она набрала воздуха и со всей силы швырнула чашу в окно. Звон был столь оглушительный, что Ева невольно прикрыла голову руками. Стекло разлетелось на осколки. За окном показалось голубое небо. Но было еще кое-что, отчего ее сердце ушло в пятки.

Решетка.

Проклятье!

Ева смотрела в ужасе и не желала верить в то, что видела. В отчаянии она высунулась через оконный проем и схватилась за решетку в надежде, что та поддастся. Ева тянула изо всех сил. Проклятая решетка даже не шелохнулась. Зато в коридоре послышались шаги.

Его шаги.

Твердая, решительная поступь. Он приближался слишком быстро. Прежде чем Ева успела хоть о чем-то подумать, дверь в комнату распахнулась.

– Что ты делаешь? – Его голос вибрировал от гнева.

Ева оглянулась. Его массивная фигура загораживала дверной проем, о бегстве нечего было и думать. Но не от этого ноги стали ватными. От страха у Евы скрутило внутренности. Она зажмурилась. Но картина перед глазами не изменилась. По ее лицу потекли слезы.

– Прошу вас, – взмолилась она. – Пожалуйста, не делайте

со мной ничего...

Мужчина осклабился. Ева сделала шаг назад. У нее не было шансов.

Незнакомец снял маску.

Лаура задержала дыхание. Были вещи, к которым она вряд ли привыкла бы за всю свою жизнь. Запах в морге входил в их число. Хорошо хоть, утром она не успела позавтракать. От света неоновых ламп над головой, серой плитки на полу и белых стен по спине пробежал холод. Лаура восхищалась врачами и санитарями, которые здесь работали. Сама она в этой атмосфере не вынесла бы и дня.

– Вы принесли фото? – спросил с улыбкой доктор Херцбергер.

Казалось, смерть, которая витала вокруг, была для него частью рабочих будней. Он открыл дверь в секционный зал и пропустил перед собой Лауру и Макса, после чего провел их к столу, где лежала мертвая женщина из больницы. Симметричные черты лица утратили всякую притягательность. Кожа напоминала серую глину, глаза были закрыты, волосы аккуратно зачесаны назад. По лбу и у основания шеи видны были грубые швы, один из которых пересекал туловище, оканчиваясь у лобковой кости. Привычный Y-образный разрез, который применялся при вскрытии. К облегчению Лауры, доктор Херцбергер уже закончил обследование и зашил разрезы. Она сосредоточилась на лице покойной, стараясь не смотреть на длинные швы.

Макс прибегал к той же стратегии. Его взгляд был устрем-

лен в невидимую точку на стене.

Лаура молча достала из кармана фотографию.

– Полагаю, это она. – Доктор Херцбергер удовлетворенно кивнул. – Лена Рейманн, двадцать четыре года. А я уже опасался, что придется устанавливать стоматологический статус... У нее много коронок для ее возраста. Но это уже не имеет значения. Не могли бы вы предоставить пробы ДНК из ее квартиры, чтобы безошибочно установить личность?

– Конечно. Нам все равно нужно оповестить родных. Мать Лены Рейманн десять дней назад заявила о пропаже. Думаю, она передаст нам образец волос дочери, – ответила Лаура, неотрывно глядя на аккуратный нос покойной. – Отчего она умерла?

Доктор Херцбергер сделал глубокий вдох.

– По этой причине я вас и пригласил. Как уже было установлено, умершая имеет как свежие, так и старые травмы, причиной которых стали, вероятно, побои и подобные насильственные действия. С правой стороны сломано одно ребро, но причина смерти не в этом. Лена Рейманн молодая и совершенно здорова. Полагаю, она прожила бы долгую жизнь, если б не цианистый калий в крови.

– Яд? – удивилась Лаура.

Высокий крепкий мужчина на записях с камер мог расправиться со своей жертвой любым мыслимым способом. Очевидно, он не слишком церемонился с женщиной. Несколько крепких ударов, и он запросто убил бы ее... Ла-

ура задумчиво склонила голову. Почему он воспользовался ядом? К этому средству прибегают в основном женщины или просто физически слабые люди. Садистам, как правило, нравится мучить жертву. А убийца Лены Рейманн, судя по многочисленным увечьям, относится именно к таковым. Впрочем, сложно определить происхождение старых побоев...

– Да, и притом быстродействующий. При такой дозе, как в данном случае, смерть наступает в течение нескольких минут, – пояснил доктор Херцбергер.

– И где его можно достать? – спросил Макс. – Уж точно не в магазине.

Доктор Херцбергер покачал головой.

– Нет. Но в любой аптеке вам его продадут по предъявлении соответствующих документов. К примеру, для врачей не составит проблемы его приобрести. Некоторые ювелиры используют цианид для очистки украшений. Откровенно говоря, заполучить этот яд не так уж трудно.

Макс тяжело вздохнул.

– Жаль... И все-таки мы проверим ближайшие аптеки и попросим списки продаж за последние несколько недель.

– Вы можете назвать время смерти? – спросила Лаура и вновь взглянула на Лену Рейманн.

Доктор Херцбергер накрыл тело белым полотном и снял перчатки.

– По моим оценкам, она мертва не более трех дней. После смерти тело перекладывалось, это отчетливо видно по

трупным пятнам. Оно долгое время пролежало на животе, прежде чем его уложили на спину возле больницы.

– То есть он отравил Рейманн, а затем через какое-то время отвез к больнице, чтобы избавиться от тела, – заключила Лаура и сглотнула. – Очевидно, ему потребовалась новая жертва, поэтому он увел из больницы еще одну женщину.

Доктор Херцбергер вскинул брови.

– А есть еще одна жертва? – спросил он и тут же просмотрел бумаги. – У нас не отмечено новых поступлений.

– Да, похищена еще одна женщина. Но есть вероятность, что она еще жива, – сказала Лаура. – Мы полагаем, что преступник на какое-то время оставляет жертву в живых, и только потом убивает. В случае с Леной Рейманн прошло десять дней от исчезновения и до момента, когда обнаружили тело.

– Кстати говоря, я не обнаружил следов сексуального насилия. Ни следов спермы, ни волос, ни тканей. Под ногтями также отсутствуют фрагменты чужой кожи. Травм вагины и в прилегающей области не наблюдается. Мы взяли мазок на предмет частичек латекса от презервативов. Ничего. Но это применимо лишь к последним трем дням. Если у нее была половая связь раньше, мы не можем это выяснить. По крайней мере, если при этом не применялась грубая сила. В данном же случае речи об этом не идет.

– Когда было сломано ребро? – спросила Лаура.

– Сравнительно давно – около трех недель, а может, и двух. Зато оба указательных пальца травмированы недавно.

Я почти уверен, что они нанесены молотком. – Доктор Херцбергер быстро натянул перчатку и поднял правую руку жертвы. – Взгляните, здесь явный след от молотка.

– Могла она ударить сама себя? – спросила Лаура, и от одной мысли об этом почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

Доктор Херцбергер помотал головой.

– Сомневаюсь. На мой взгляд, удары наносились прицельно и пришлись под таким углом, что самоистязание исключается. – Для наглядности он занес и резко опустил правую руку. – Отсутствуют пробные удары, типичные в таких случаях. Тот, кто самому себе наносит увечья, подходит к этому постепенно, не решаясь сразу. К примеру, это хорошо заметно у людей, которые иссекают себя. Первые порезы короткие и поверхностные, но со временем они становятся глубже. В нашем случае удары одинаковой силы и приходятся точно по костяшкам, так чтобы не пострадали суставы. Признаться, выглядит это так, словно по пальцам били целенаправленно. Это не было импульсивным действием. Тот, кто это сделал, неплохо знаком с человеческой анатомией и последствиями ударов.

– Хотите сказать, у него есть опыт в пытках? – изумленно спросил Макс.

– Ну, это все же слишком, – ответил доктор Херцбергер. – Преступник не хотел причинять своей жертве серьезных увечий. Он сломал ей два пальца, но при этом не тронул

суставы. Это все, что можно сказать.

Лаура задумчиво нахмурилась.

– Лена Рейманн регулярно подвергалась жестокому обращению. Как до похищения, так и после. Доктор Гебауэр полагает, что за этим стоит ее партнер. Странно уже то, что не он заявил об исчезновении, а ее мать...

– Тут я с вами соглашусь... – Доктор Херцбергер взглянул на часы. – Сожалею, но мне пора. Я направлю вам протокол, как только смогу. Прошлой ночью было много поступлений, и они у меня в приоритете.

Он не стал уточнять, что это означает. Впрочем, от него это и не требовалось. Лаура знала, что в подобных случаях речь идет о подозрении на убийство.

Доктор Херцбергер вышел из зала и оставил их наедине с убитой.

– Надо пригласить мать Лены Рейманн. Она опознает дочь, передаст нам образцы волос и, возможно, расскажет что-то о ее партнере, – предложила Лаура.

Макс кивнул и отошел на пару шагов, чтобы позвонить коллегам и отправить патрульную машину за матерью Лены Рейманн. Лаура еще раз взглянула на женщину, на долю которой выпало столько страданий. Ей было бесконечно жаль ее. Наконец она отвернулась и открыла дверь. Каждая лишняя секунда в этом зале была для нее пыткой.

Макс закончил разговор и последовал за ней.

– Нужно еще побеседовать с сотрудниками больницы, ко-

которые контактировали с жертвами, — сказал Макс, когда они сели в машину. — Я попросил кое-кого из отдела проверить аптеки поблизости от больницы на предмет продажи цианистого калия. Зону поисков в любое время можно будет расширить.

Лаура рассеянно кивнула.

— С больницей хорошая мысль. Я в любом случае хотела посмотреть документы на Лену Рейманн. Мы ведь даже не выяснили, каким образом она попала в больницу. То же касается и второй похищенной. До этого я переговорила с доктором Гебауэр и попросила бумаги. Может, она даст нам еще какие-то сведения... Судебное постановление как раз готово.

Поездка до больницы заняла не больше пятнадцати минут и прошла в молчании. Лаура была рада, что им удалось выиграть время и немного оттянуть разговор с матерью Лены Рейманн. Самым тяжелым в их работе было оповещение родных, и Лаура не завидовала уполномоченным на это сотрудникам. Она не знала никого, кто делал бы это с удовольствием. Лаура сама всякий раз чувствовала себя преступницей, потому что, передавая роковое известие, невольно рушила чьи-то жизни. Как прежде, быть уже не может. Глубокий ров, оставленный смертью, ничем нельзя засыпать. Смерть вгрызается в мысли и чувства живых и не дает вновь в полной мере радоваться существованию.

Макс повернул к парковке позади больницы, которая при-

мыкала к контейнерной площадке. В сравнении со вчерашней суетой сегодня здесь царил безмятежный покой. Криминалисты убрали свои палатки, и только заградительная лента напоминала об убитой женщине, найденной здесь сутками ранее. Лаура вышла и подождала, пока Макс запрет машину. Они обошли здание по мощеной дорожке и вошли через стеклянные автоматические двери отделения неотложной помощи. К ним навстречу уже спешила доктор Гебауэр с двумя листками в руках.

– Это вы... У меня, к сожалению, не так много времени. Вы получили судебное постановление?

– Разумеется. – Лаура передала ей документы.

– Так, это лучше сразу направить руководству, – сообщила заведующая. – А не то я лишусь головы. Защита личных данных и врачебная тайна у нас соблюдаются неукоснительно.

Лаура кивнула.

– Понимаю. К счастью, судья поторопился. Вы так действительно поддерживаете расследование, спасибо вам... Это сберегает нам время, а оно сейчас бесценно.

Доктор Гебауэр жестом позвала их с собой.

– Пройдем в ординаторскую.

Лаура и Макс последовали за ней. Они прошли по белому коридору, несколько раз повернули и оказались в секции, вероятно предназначенной для персонала. Здесь было куда спокойнее. Доктор Гебауэр открыла дверь. В кабинете нахо-

дились несколько человек, и заведующая попросила их выйти. Молодые врачи подчинились беспрекословно. Луара и Макс сели с доктором Гебауэр за стол посередине комнаты.

– Умершая пациентка пришла в больницу сама, – сразу перешла к делу заведующая. – Кристиан Геллер, санитар, несший в тот вечер дежурство, принял ее и направил в четвертый кабинет для диагностики. Я обследовала пациентку. У нее наблюдались множественные травмы – на мой взгляд, результат жестокого обращения. Вероятно, со стороны ее партнера. Я посоветовала ей обратиться за помощью в женский центр и подать заявление в полицию, но женщина и слышать об этом не хотела. Остальное вам известно. Через полчаса, когда я собиралась продолжить обследование, она исчезла. Очевидно, ушла с тем человеком, с которым я заметила ее у выхода на лестницу. – Она смущенно взглянула сначала на Макса, затем на Лауру. – Вам это мало чем поможет, верно? Не представляю, каким образом можно было бы установить ее личность.

– Мы уже знаем ее имя, – ответила Лаура. – Десять дней назад ее мать обратилась в полицию. Имя этой женщины – Лена Рейманн. – Она положила на стол листок с данными. – Вам, наверное, понадобятся данные для отчетности. Здесь указан в том числе и номер ее страховки.

– Спасибо, – удивленно проговорила доктор Гебауэр. – А имя другой женщины вам неизвестно?

На этот раз ответил Макс:

– К сожалению, нет. В базе данных ее пока не нашли.

Доктор Гебауэр выпрямилась.

– Тогда я, возможно, смогу вам помочь. Эту женщину доставила «скорая». Она вскрыла себе вены в туалете ресторана быстрого питания. Я разыскала санитара, который сопровождал ее в «скорой»; его имя Карстен Бёмер. С ними не было врача, и женщину сразу направили в отделение неотложной помощи. У гетра Бёмера сегодня смена; можете с ним побеседовать.

– Спасибо. – Лаура записала имя в блокнот. – А вам известно, кто был за рулем и ехал ли с ними второй санитар?

– Да, в документах записаны все имена. Кстати, водитель Эрик Крюгер перевозил Лену Рейманн по территории больницы на рентген. Если нужно, я сейчас отправлю к вам Карстена Бёмера. Можете переговорить с ним здесь, в кабинете. – Доктор Гебауэр поднялась. – К сожалению, я должна идти. Меня уже ждут.

Она торопливо попрощалась и скрылась за дверью.

– Странно, – проговорил Макс. – Кто пытается покончить с собой в общественном туалете?

– Согласна. Она должна была понимать, что очень скоро ее найдут и, скорее всего, спасут... – Лаура просмотрела документы на женщину, которая, возможно, была еще жива. – Все равно попытка оказалась неудачной. Даже если б она несколько часов пролежала незамеченной, порезы были слишком мелкие, чтобы привести к смерти.

Дверь распахнулась. На пороге неуверенно замер молодой человек, худой и долговязый.

– Вы хотели поговорить со мной? Я Карстен Бёмер, – представился он, не двигаясь с места.

– Пожалуйста, присаживайтесь. – Лаура улыбнулась и жестом пригласила санитара в кабинет. Дождалась, пока он сядет. – Лаура Керн, полиция Берлина; это Макс Хартунг. Мы узнали, что два дня назад вы оказывали помощь женщине после попытки самоубийства в ресторане и доставили ее в отделение неотложной помощи. Не могли бы вы рассказать подробнее об этом случае? Может, с ней кто-то был, или вы сами обратили внимание на что-то?

Карстен Бёмер поднял на нее глаза. Его кадык двинулся вверх-вниз.

– Нас вызвал сотрудник ресторана. Мы выехали без промедления. Мы – это водитель, я и напарник по смене. Девушка заперлась в кабинке туалета, но к нашему приезду уже лежала на полу снаружи – сотрудники ресторана взломали дверцу и вытащили ее. Она была в помутненном сознании, но разговаривала. Порезы на руках кровоточили – она пыталась вскрыть вены. Мы наложили тугие повязки и вынесли ее на носилках. Насколько я помню, там был только персонал. Никто из них не знал девушку, и никто не хотел сопровождать ее.

– А у нее была при себе сумка? Или еще что-то? Вы можете вспомнить?

Взгляд санитаря перебегал с Лауры на Макса и обратно. Лаура фиксировала каждое движение его лица.

– Нет, – ответил он. – Хотя... да...

– То есть? – с подчеркнутым дружелюбием спросила Лаура.

Карстен Бёмер нервно почесал за ухом.

– Это наша оплошность. Вернее, моего коллеги... я совсем забыл упомянуть об этом... – Он уставился в пол и глухо вдохнул. – У нее была при себе сумка. Она сейчас у нас в комнате отдыха.

Дальше отступать было некуда. Ева стояла спиной к разбитому окну и в ужасе смотрела на мужчину. Она не знала его – и все-таки его лицо казалось ей смутно знакомым. Он был на несколько лет старше ее. Густые темные волосы аккуратно зачесаны набок. Мужчина нависал над ней всей своей массой, на его губах по-прежнему играла эта мерзкая ухмылка. Стоило ему шевельнуть рукой, и Ева втянула голову в плечи. Но он не стал ее бить. Вместо этого взял ее плечи и отвел от окна.

– Не стой посреди осколков.

Его злость как будто рассеялась. В голосе сквозила тревога.

Ева покорно вышла из ванной.

– Почему ты так поступила? – спросил мужчина ласково и подвел ее к кровати. Жестом велел сесть.

Ева подчинилась.

– Почему? – повторил он мягко.

– Я... не знаю... – Ева не знала, что сказать, ее сковывал страх. Она видела его лицо. Теперь, каким бы добрым он ни был, живой ее никто не отпустит.

– Тебе не нравится комната?

Ева взглянула на него. Казалось, для него это и в самом деле важно. Мужчина присел перед ней на корточки и взял

за руку.

– Тебе не нужно бояться меня. Если тебе не нравится эта комната, получишь другую. – Он помог ей подняться. – Пойдем.

Они вышли в коридор. Новая комната располагалась по соседству со старой.

– Здесь недавно сделан ремонт, – сообщил мужчина и открыл дверь. – Посмотри.

Ева переступила порог и встала перед кроватью, точно такой же, как и в старой комнате, вплоть до расцветки. Даже полог был таким же, и туалетный столик, стоявший на том же месте возле двери в ванную. Сколько еще подобных комнат в этом доме? Ева неуверенно опустилась на кровать.

– Что скажешь? – спросил он нетерпеливо.

Ева догадывалась, какого он ждет ответа.

– Мне нравится. – Она заставила себя улыбнуться.

– Хорошо, прекрасно. – Похоже, ответ его удовлетворил. Он отошел к двери. – Тогда прими душ и переоденься, договорились?

Он подождал, пока Ева кивнет, после чего вышел. Она услышала, как повернулся ключ в замке.

Ева облегченно выдохнула. Она была рада, что мужчина ничего ей не сделал. Может, у него и не было таких намерений, подумала Ева и поднялась. На кровати лежало такое же черное платье, как и в другой комнате; Ева не припоминала, чтобы похититель забирал его. Взяла платье в руки. Трид-

цать восьмой размер, должно подойти. Ева отложила платье и прошла в ванную. Половые доски скрипели при каждом ее шаге. Ванная действительно сияла: новая плитка, современная душевая кабина и матовое стекло. Ева попыталась повернуть рукоятку на окне, но та не поддавалась. Она вздохнула. Скорее всего, там тоже решетка. Разбивать окно во второй раз ей не хотелось. Нужно выиграть время. Ева не могла объяснить словами, но было в этом человеке что-то жуткое. На первый взгляд он был вполне привлекателен и добр. Но эта доброта казалась поверхностной. Возможно, все дело в его ауре или в этом старом доме, а может, виной всему тот факт, что он ее похитил... У нее на глазах выступили слезы.

Проклятье. Что ей теперь делать?

У нее возникла мысль вырваться из комнаты и отыскать выход, но Ева отбросила этот план. Слишком опасно. Разумнее сперва подыграть ему. Если удастся выиграть время, то позднее, возможно, ей представится шанс выбраться. Но было очевидно, что оставаться здесь нельзя. Этот человек не мог замышлять ничего хорошего, Ева чувствовала это. Он определенно собирался убить ее...

Ева тихонько заплакала и стала раздеваться. В душе, под струями горячей воды, она постаралась взять себя в руки. Но это ей не удалось. Она выключила воду, взяла полотенце и вытерлась. Затем вернулась в комнату и надела платье: оно сидело как родное. Ева высушила волосы феном и встала перед зеркалом, чтобы привести себя в порядок.

В коридоре слышались шаги, и у нее замерло сердце...

Слова санитаря тяжелым облаком повисли в воздухе. Мозгу потребовалось несколько секунд, чтобы обработать информацию. Лаура взглянула на Макса. Тот тоже с трудом переваривал услышанное.

– Сумка лежит у вас в комнате отдыха? – для верности переспросила Лаура.

Лицо Бёмера цветом напоминало перезрелый помидор.

– Да, – подтвердил он дрожащим голосом и вскинул руки. – Мы в тот день с ног сбились. Эрик сказал, что сумку можно после смены сдать в бюро находок. Такое часто бывает, что мы доставляем пациентов и в суматохе забываем их вещи в машине... – Он вновь опустил глаза и уставился себе под ноги. – Эрик собирался сдать сумку при первой же возможности... – Бёмер откашлялся. – Мы и не думали, что на нас тут же заявят в полицию.

Лаура наконец-то сообразила. Очевидно, доктор Гебауэр ничего не сказала ему об убийстве и похищении пациентки. Она мысленно поблагодарила заведующую и с сочувствием взглянула на санитаря.

– Будьте так любезны, принесите сумку.

Бёмер не двинулся с места. Он выглядел растерянным.

– И чем быстрее, тем лучше, – добавила Лаура.

Санитар встрепенулся и бросился за дверь.

Он вернулся уже через пару минут. Первое, на что обратила внимание Лаура, это его пустые руки.

— Сумки нет, — просипел Бёмер. — Еще сегодня утром она лежала на столе перед шкафчиком Эрика. Я это точно помню... — Он вцепился себе в волосы.

— А может, ваш коллега успел отнести сумку в бюро? — спросил Макс. — Давайте сходим в это ваше бюро и спросим. — Он поднялся и потеснил в дверях долговязого санитара. — Ну, идемте же!

Бёмер в замешательстве посмотрел на Лауру. Та кивнула в сторону Макса. Санитар послушно пошел за ним, и Лаура двинулась следом. Сложно было представить себе более контрастную пару. В то время как Макс при своих габаритах шагал твердой поступью, санитар плелся рядом с ним, как побитая собачонка. Они остановились у лифта.

— Нам на последний этаж, — сказал Бёмер и нажал кнопку вызова.

Ждать пришлось недолго. Стальные двери открылись с тихим шелестом, и все трое молча шагнули в лифт. Лицо санитара все еще пылало, на лбу блестели капельки пота. Когда двери вновь открылись на нужном этаже, он вышел и неуверенно показал влево.

— Это там, последняя дверь.

Макс двинулся в указанном направлении. Его ботинки скрипели по серому линолеуму. Лаура скептически поглядывала на Бёмера. Чутье подсказывало ей, что здесь они сум-

ку не найдут. Макс постучал в дверь.

Оттуда выглянула пожилая женщина с седыми волосами и в очках для чтения.

– У нас перерыв, – проворчала она и указала на табличку с графиком работы.

Макс сунул ей под нос удостоверение.

– Мы ищем сумку, которую вам должны были сдать за последние несколько часов.

Женщина враждебно зыркнула на него и мотнула головой.

– Сегодня никаких сумок не приносили. – Она явно не собиралась ничего искать.

Но и от Макса было не так-то просто отделаться.

– А не могли бы вы посмотреть? Это крайне важно...

Он улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой, и, к удивлению Лауры, это подействовало. Женщина уперла руки в бока. Ее морщинистое лицо скривилось в усмешке.

– Для вас в виде исключения, – проворчала она, при этом подмигнув Максу.

Затем развернулась и со списком в руках направилась к стеллажу. Некоторое время осматривала полки.

– Нет сумки. Простите, – повторила женщина и снова подошла к ним.

Взгляд ее задержался на Бёмере. Она осмотрела его с ног до головы и проворчала, помахав рукой у него перед носом:

– Вы же вечно околачиваетесь тут с этим своим ушлым коллегой. Разве я не советовала вам подыскать себе других

приятелей? – Она перевела взгляд на Макса. – Этот его напарник, временный водитель, сдал пару месяцев назад портмоне, но без денег. Конечно, никто не мог доказать, что именно он их вытащил, но я-то этих типов знаю. И вот снова что-то пропало... Его счастье, что у нас вечно не хватает работников. Если мое мнение кого-то интересует... – Она жестом показала, словно отшвырнула что-то.

– Понятно. – Макс подался чуть вперед. – Вы имеете в виду Эрика Крюгера?

Женщина приподняла брови и кивнула.

– Его самого. Спросите у него, куда девалась сумка. Если он снова приделал чему-то ноги, надеюсь, в этот раз его вышвырнут. – Она тряхнула головой. – И куда только катится наша молодежь? Ни малейшего уважения... Ну кто, спрашивается, станет обворовывать больного?

– Полностью согласен с вами. Немыслимо, что позволяют себе некоторые люди. Благодарю вас. – Макс улыбнулся пожилой даме и повернулся к Бёмеру. – Как нам найти Эрика Крюгера? Мы бы хотели с ним побеседовать, и желательно поскорее.

– Он дома. Ему вчера поплохело, и он взял отгул. Честно говоря, не думаю, что сумка у него. Правда. – Бёмер снова выглядел как побитая псина.

Очевидно, он не хотел вовлекать в неприятности своего напарника. Но Лауру это не волновало. Похищена женщина, и время работает против них. Им нужно установить ее лич-

ность, и как можно скорее.

– Позвоните ему, пожалуйста. У вас ведь наверняка есть его номер, – попросила Лаура.

Бёмер дрожащими пальцами набрал номер. Поднес телефон к уху, простоял так несколько секунд, после чего покачал головой.

– Не отвечает.

– Вам известно, где он живет? – спросила Лаура.

– Да, тут недалеко... Подождите, я напишу вам адрес. – Бёмер нацарапал адрес на листке. – Показать дорогу?

– Спасибо, не нужно. – Макс взял у него листок. – Но будьте готовы, если у нас возникнут новые вопросы. И если Крюгер вдруг перезвонит, передайте, чтобы немедленно связался с нами.

Санитар усердно закивал.

Макс сунул ему в руку визитную карточку.

Не прошло и двух минут, как они уже ехали по указанному адресу. Жилой комплекс находился примерно в километре от больницы. Макс остановился перед домом. Строе-ние выглядело ухоженным, хоть и не очень гостеприимным. В каждом подъезде располагалось по десять квартир. Эрик Крюгер проживал на третьем этаже. Входная дверь была открыта. Крюгер, по всей видимости, жил один. Во всяком случае, на табличке значилось только его имя. Из квартиры доносилась тяжелая рок-музыка.

Лаура позвонила, но никто не открыл. Она позвонила еще раз и постучала по двери кулаком.

Музыка стала тише.

– Иду, – послышался низкий мужской голос.

Еще через мгновение дверь открылась, и на них уставился мужчина с темными волосами, в джинсах и футболке.

– Лаура Керн, Макс Хартунг, полиция Берлина. Мы можем войти? – Лаура показала удостоверение.

Крюгер кивнул и отступил в сторону.

– Прямо и до конца, – проговорил он и последовал за ними по прокуренному коридору.

– В больнице нам сказали, что вы взяли отгул по болезни, – произнес Макс и показал на переполненную пепельницу. – Вы всегда столько курите?

Крюгер скривился.

– Мне нужен тайм-аут, иначе недолго и перегореть. – Он плюхнулся в грязное кресло. – Присаживайтесь. Чем могу помочь?

– Мы разыскиваем сумку, которую вы и ваш коллега Карстен Бёмер два дня назад забрали из ресторана быстрого питания, куда выезжали по вызову. Сумку так и не сдали в хранилище, а нам необходимо срочно узнать имя пациентки.

Крюгер почесал затылок.

– Вы про ту, что вскрыла себе вены?

– Именно, – подтвердил Макс и сунул ему под нос фотографию похищенной. – Так где сумка?

Крюгер откинулся на спинку кресла и устремил взгляд в пожелтый потолок.

– Разве она не у Карстена?

От Лауры не укрылся хитроватый тон в его голосе. Она чувствовала возрастающую неприязнь.

– С вашим коллегой мы уже разговаривали, – сказала она, стараясь по возможности не вдыхать глубоко – запах в квартире стоял невыносимый. – В последний раз он видел сумку на столе перед вашим шкафчиком, а теперь она пропала.

– Пропала? – переспросил Крюгер и помолчал. – Ее мог взять кто угодно – комната для персонала не запирается. Так почему вы спрашиваете меня? Я всего лишь водитель. Может, это кто-то из санитаров...

– Послушайте, нам нужна эта сумка, – с нажимом произ-

нес Макс и подался вперед. – Полагаю, вы уже слышали о мертвой женщине, найденной у мусорных баков? – Он показал ему фотографию Лены Рейманн.

Крюгер кивнул.

– Я ее помню, возил как-то на рентген.

– Значит, вы понимаете, что в рамках расследования мы вынуждены полагаться на ваше содействие. Пожалуйста, не усугубляйте свое положение и скажите, где сумка.

Крюгер молча взял тлеющую сигарету из пепельницы и глубоко затянулся.

Лаура видела, что водитель не желает говорить. Вероятно, он украл сумку и теперь не хочет потерять работу.

– Я могу воспользоваться уборной? – спросила она и улыбнулась.

– Конечно. По коридору налево. – Он мотнул головой куда-то в сторону.

Лаура вышла в коридор и огляделась. Где человек вроде Крюгера мог прятать добычу? Она открыла дверь в ванную, но входить не стала. Вместо этого скользнула в другую комнату. Спальня была не очень просторной. Справа располагалась кровать, рядом стоял шкаф, а напротив – телевизор. На спинке стула висела какая-то одежда. На полу перед стулом лежала сумка. Ее красный цвет сразу привлек внимание Лауры. Возможно, это была сумка похищенной женщины. Она удостоверилась, что Крюгер не последовал за ней, схватила сумку и заперлась в ванной.

Первым делом Лаура обыскала портмоне. Денег там не оказалось. Она достала кредитную карту и прочла имя: «Ева Хенгстенберг». Запомнила его. Затем нашла водительское удостоверение. Женщине было двадцать пять лет. Лаура взглянула на фотографию. Это определенно была похищенная из больницы. Лаура в ярости схватила сумку и стремительно вышла из ванной.

– У Евы Хенгстенберг не было при себе наличности? – спросила она и показала сумку.

Крюгер побледнел.

– От... откуда она у вас? – Он вскочил с кресла. – У вас нет ордера на обыск. Вы не имеете права копаться в моих вещах!

– Сумка лежала в ванной, – не моргнув глазом солгала Лаура. – Вы разрешили мне воспользоваться уборной. Но вы же и так собирались рассказать нам о ней, не правда ли? Уверена, вы не собирались препятствовать расследованию...

Крюгер поджал губы и кивнул.

– Я хотел сдать сумку сегодня утром, но мне стало нехорошо. Я бы отнес ее завтра.

– Но минуту назад вы утверждали, что у вас ее нет, – вклинился Макс.

Крюгер, не ответив, сорвался с места, распахнул балконную дверь и перемахнул через ограждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.